

**Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования
«ДЕТСКАЯ ШКОЛА ИСКУССТВ №2»**

457105 г.Троицк
Челябинской области
ул. Монтажников 3

ИНН 7418010141
КПП 742401001

Телефоны (35163) 3-14-54
3-14-56

Методическая разработка

**Комплекс теоретических материалов и заданий для отделения
«Искусство театра» в случае дистанционного обучения во 2 классе
по 8-летней программе.**

Методическая разработка выполнена

Красильниковой А. С.
Преподавателем отделения «Искусство театра»

Троицк, 2021

**Комплекс теоретических материалов и заданий для дистанционного
обучения класса «Искусство театра».**

2 год обучения.

- 1. «Художественное слово» - 1 стр.**
- 2. «Слушания музыки» - 17 стр.**
- 3. «Основы актерского мастерства» - 17 стр.**
- 4. «Кукольный театр» - 17 стр.**
- 5. «Подготовка сценических номеров» - 17**

Прочитайте с ребенком предоставленный материал по разным предметам. В конце каждого конспекта имеется домашнее задание, которое нужно выполнить, сфотографировать, если это выученное стихотворение – заснять на видео и отправить в вцап или вайбер, или отправить на электронную почту minenkowich@mail.ru. Для отработки произношения, интонаций, звоните по видеосвязи или просто по телефону (номера у родителей есть в родительском чате групп).

I. «Художественное слово».

Тема: Разбор остросюжетных рассказов.

Задание: Прочитать рассказ *Анны Игнатовой «Джинн Сева».*

Письменно ответить на вопросы:

- 1) О чем рассказ? Как вы лично думаете, что хотел сказать автор?
(не пересказать)*
- 2) Выучить скороговорку
«В недрах тундры выдры в гетрах тырят в ведра ядра кедров.
Выдрав с выдры в тундре гетры, вытру выдрой ядра кедра, вытру
гетрой выдре морду - ядра в вёдра, выдру в тундру. »*
- 3) Выучить стихотворение для школьного конкурса чтецов. Тема:
ВОВ, дети войны, Блокада Ленинграда и т.д . по своему желанию.*

Анна ИГНАТОВА

«Джинн Сева»

Анна Игнатова – детский писатель. Окончила РГПУ им. А.И. Герцена, работала учителем русского языка и литературы. Лауреат конкурса имени Ренаты Мухи (2012), финалист Детской международной премии В.П. Крапивина (2013). Первая книга, сборник стихотворений «О слонах, троллейбусах и принцах», вышла в 2011 году. Живет в Санкт-Петербурге.

– Так ты джинн?

– Ага.

– И чего... желания исполняешь?

– Ну... Ага.

– Офигеть...

Я уже ущипнула себя за руку, несколько раз протерла глаза, потрясла головой и даже легонько постучала поварешкой по лбу. Джинн никуда не исчез, а, наоборот, уселся на табуретку, закинул ногу на ногу и спросил:

– Чаю можно?

Ничего себе сходила в магазинчик. Соку захотела. Апельсинового. Недаром мама говорит, что меня в магазин отправлять – себе дороже.

Джинн сперва еще колыхался, как желе, хлюпая и булькая, а потом вполне себе сформировался в дяденьку восточной внешности, в белых штанах и оранжевой майке. На голове – чалма, очень похожая на апельсин. На ногах – почему-то клетчатые домашние тапочки. Черные усики над губой, бороды нет. «Не Хоттабыч», – подумала я.

Пакет с надписью J7 стоял на столе. Конечно, в нем не было ни капли сока. Оставалось пить только чай.

– Зеленый будете? – спросила я, переходя на «вы». Одно дело – тыкать неоформленной субстанции, взвившейся из пакета, и другое дело – взрослому в клетчатых тапках.

– Ага, – снова сказал джинн.

Не поворачиваясь к нему спиной, я шагнула к раковине и повернула ручку фильтра. Полилась тонкая струйка как бы чистой воды. Я подставила чайник:

– А... как вас зовут?

– Сева, – ответил джинн и показал на коробку.

– А... я думала, джинны в старинных сосудах сидят...

– По-разному, – охотно объяснил Сева. – Свободных старинных сосудов теперь мало, их в музей сдали. А в музее нормальный джинн сидеть не будет.

– Почему? – спросила я.

В голове был горячий туман. В ушах – вата. Вода перелилась через носик чайника. Я выключила фильтр, криво закрыла чайник крышкой и поставила на газ. Очень хорошо в такие моменты совершать обыкновенные, простые действия...

– А в музеях руками трогать ничего нельзя, – развел руками Сева. – Никто не будет тереть кувшин, никто джинна не выпустит. Так и

просидишь тыщу лет с дурацкой табличкой «Амфора из дворца царя Филиппа, IV век до н. э.». А она вовсе и не четвертого века, а пятого и не из дворца, а из дома напротив, где вином торговали.

Сева вздохнул и замолчал. Я вежливо покивала.

– А пакеты ничего, комфортные, – продолжил джинн и почесал плечо. – Форма стандартная, удобная. Коробка – она и есть коробка, ни тебе узкого горлышка, ни вмятин от ручек... Знаешь как впиваются? И ста лет не высидишь.

– А... сколько вы в соке сидели?

– Да недолго, – неопределенно махнул рукой Сева. – Это тоже плюс, кстати. Люблю вылезать часто. Общение люблю. Слушай, а бутербродов у тебя нет? Можно с сыром.

Я снова вежливо кивнула и пошла в коридор к холодильнику. Так, вот сыр, масло, вот остатки ветчины, прихвачу на всякий случай. Вот пачка сосисок...

Туман в голове начал рассеиваться. Какой ловкий джинн! Вылез и сидит себе нога на ногу. А я ему чай готовлю, бутерброды. Это джинн должен мои желания исполнять, а не наоборот! И вообще, надо еще посмотреть, что он может! Вот чай себе сделать не может, например, меня просит. Тоже мне джинн! Так и каждый вылезет из коробки – привет, я джинн, давайте чай. А сам ничего и не умеет.

Я вернулась на кухню с продуктами, взяла с подставки ножик побольше и стала нарезать сыр.

– Долго как чайник закипает, – покосился на плиту Сева. – Много воды налила, он так целый час закипать будет.

– А вы его своим волшебством вскипятите, – посоветовала я.

Он же меня еще и критикует, кулинар!

Джинн удивленно посмотрел на чайник, потом на меня:

– Волшебством – жалко, волшебство для дела понадобится. Ты ведь не хочешь свои желания потратить на домашнюю работу? Я, конечно, могу чай сделать, пол помыть, пыль вытереть... Надо?

– Не надо, – быстро сказала я. – Вот вам бутерброд.

Пока Сева жевал, я соображала. Желания... Вся загвоздка в этих желаниях. Вечно у всех обломы с неправильными желаниями. Меня всегда раздражала девочка Женя из «Цветика-семицветика». Так бездарно потратить семь... ну ладно, шесть желаний. Да и седьмое можно было бы лучше загадать, если честно. А то все на свете игрушки ей подай, а всех на свете детей вылечить она не догадалась.

Нет уж, я не буду такой дурой. Я всё сама приготовлю, уберу, посуду помою, мне не трудно. И материальные разные желания типа денег, машины, новенького айфона и тэ пэ – это фигня. Это и без чудес получить можно. А вот именно чтоб чудеса волшебные...

На столе все еще стояла пустая коробка из-под апельсинового сока. Я ее взяла и хотела бросить в мусорное ведро, как примерная хозяйка.

– Э, погоди, ты что делаешь? – с набитым ртом замычал Сева. – Куда понесла? Поставь на место!

Я повертела в руках пустую коробку, пожала плечами и поставила ее обратно на стол.

– Не выкидывай, дура, – не очень-то вежливо сказал джинн. – И смотри, чтобы мама не выкинула. Я в ней спать буду.

– Спа-ать?! А удобно?..

– А удобно в квартиру постороннего человека привести и в своей комнате поселить на неопределенный срок, объяснив родителям, что это джинн из сока?

А что, дельно... Я как-то не подумала. Сева явно соображает, это приятно.

– Я ее смяла немножко, – провела я рукой по зеленым стенкам с апельсинами. – Может, тебе другую купить?

Джинн Сева внимательно посмотрел на меня и вдруг заулыбался:

– Заботливая, это хорошо. Это я удачно попал. Не, другую не надо. Уйду в другую – от тебя уйду и ничего не исполню. Так что пользуйся, пока я здесь. – Он вытянул губы трубочкой и шумно отхлебнул чаю.

Чудеса все-таки...

Уроки не лезли в голову. Какие уроки, какие графики квадратных уравнений, когда за моей спиной на диване сидит джинн Сева и наигрывает на гавайской гитаре финскую польку?!

Коробка из-под сока стояла у батареи. Сева заявил, что любит спать в тепле, желательно на печке.

– Сева, а можно у вас спросить?.. – Я отложила ручку и тетрадь по математике.

– Ну наконец-то! – Сева тоже отложил гавайскую гитару. – Я уже испугался, что за клиентка такая нелюбопытная попалась. Даже скучно! Давай, спрашивай!

Он уселся по-турецки и уставился на меня не мигая.

– А вот... скажите, пожалуйста, а почему вы просто Сева? Вы же джинн. Вы должны быть какой-нибудь там Гасан ибн Абдурахман или еще какой-то ибн. Ну, чтобы по-восточному было и по-старинному.

– Ишь ты, придира какая, – удивился джинн. – Сева ей не годится! Для вас же стараюсь, для вашего региона. Чтобы имя привычное было. А ей не нравится! Мне, может, твое имя тоже не очень. Виктория Викторовна! Масло масляное.

Я надулась и отвернулась к недоделанному графику. Сева снова взялся за польку.

– А больше ничего спросить не хотела? – подал он голос через минуту.

Соскучился, то-то же.

Я старательно высчитывала координаты функции и только помотала головой. Пусть не выпендривается и разговаривает как следует с дамами! Мое имя – моя гордость, между прочим! И означает оно двойную победу!

– Ладно, не дуйся, прикольное у тебя имя, – пошел на попятную Сева. – Предки с фантазией, молодцы. Двойная победа и все такое. Правильно гордишься.

Меня в жар кинуло. Он что, мысли читает? Ой, я же имени своего ему не называла!

– Читаю маленько, – кивнул Сева. – Но ты не волнуйся, это не считается за волшебство. Ты желания придумала?

– А сколько можно загадать? – спросила я.

– Вот! Это вопрос по делу. Значит так. Я сегодня добрый, чай был вкусный, масла на бутерброд ты не пожалела, можешь загадать четыре желания. – И он поднял растопыренную пятерню с загнутым большим пальцем.

– А вы разве сами количество желаний назначаете? – Я развернулась к дивану на своем любимом синем крутящемся стуле.

Сева посмотрел вокруг и демонстративно заглянул под диван.

– Ясен пень, сам. Ты видишь тут еще кого-то? Я нет. Сам назначаю, сам исполняю, сам жалобы от клиентов выслушиваю. А не захочу – вообще ничего не исполню. Если мерзавец попадет, фигурки я что-нибудь сделаю для него.

– Но как же так? – У меня в памяти всплыли всякие фильмы и мультики про джиннов, лампы Аладдина, золотые рыбки, Емелины щуки. – Разве вы не обязаны...

– Обязан? – фыркнул Сева. – С чего это? Я первый раз в жизни вижу этого болвана и чем-то ему обязан? Вот еще.

– Но как же, он ведь вас выпустил на свободу! Избавил от тысячелетнего заточения! По всем законам вы обязаны его слушаться, почитайте сказки!

Я реально возмутилась. У всех есть обязанности, в конце концов!

Джинн тяжело вздохнул и стал похож на нашего учителя математики, вызвавшего меня к доске.

– Ох, ну что за сказочные предрассудки! Ну какое тысячелетнее заточение в пакете сока! Да я эти пакеты меняю как маршрутки. Просто я джинн, добросовестный и ответственный, ясно? Мое дело – исполнять желания, и я их исполняю. Но не все же, ясен пень! Я фрилансер, могу выбирать! Начальства у меня нет, годовых отчетов нет. Вопросы есть? А может, тебе кажется, что четыре желания – это мало за маленькую чашку зеленого чая и средний бутербродик с сыром?

Я покраснела. Я всегда краснею, когда меня обвиняют.

– Да нет, нормально... – пробормотала я.

– Точно нормально? – нахмурился Сева.

– Точно... – еще гуще покраснела я. – Очень даже хорошо. Роскошные условия, честно.

– И я не жмот?

Мои щеки стали свекольными. Про жмота я нечаянно подумала, совершенно случайно! Я стала думать про чудесную щедрость и сказочное везение.

– То-то, – строго сказал Сева. – И давай думай поживей. Только не торопись.

Мне сказочно повезло. Теперь главное – правильно пожелать.

Мы с папой устроились в гостиной на диване и смотрели биатлон. Мы обожаем биатлон. Такие они там все быстрые, красивые, румяные! Ногами толкаются, руками упираются! В подъем – раз-раз-раз! Со спуска – вж-жух! А как драматично стреляют! Бац – попал! Бац – мимо! И весь стадион – ах! Зрители с ума сходят, в дудки дудят, флажками размахивают. Мы с папой на диване подпрыгиваем. Сколько волнения, сколько праздника! Вокруг пейзажи сказочные: горы, небо синее, склоны елками утыканы, как свечками. Эх, туда хочется...

Хочется! Вот чего мне хочется! Ужасно хочется! Никаких сомнений. Когда я туда еще попаду? А можно прямо сейчас!

До старта женского спринта оставалось десять минут. Комментатор со смешной фамилией Областной раскачивал зрителей своими нелепыми цитатами и намеками на близкое общение с нашей женской сборной. Каждая биатлонистка была у него зверьком или птичкой: зайчиком, мышкой, ласточкой, лошадкой... И все красавицы, конечно. Интересно, как бы он меня назвал?

– Сева! – позвала я шепотом, входя в комнату. – Сева, друг...

– Какой я тебе друг? – раздалось из-под батареи. – Дверь закрой.

Я плотно закрыла дверь.

– Ну, надумала?

Из пакета вопреки всем анатомическим нормам торчала взрослая усатая голова.

– Надумала! – засияла я. – Только не тяни, там скоро старт!

– Подумаешь, старт... Успеешь наглядеться. Они целый час стартовать будут. Еще надоест смотреть-то.

Сева стал появляться из коробки. Шея, плечи, руки... Вот он сложил пальцы правой руки для щелчка...

– погоди! – завопила я громче комментатора Областного. – Постой. Слушай, а можно туда не зрителем попасть...

– А кем? – уставился на меня Сева.

– Ну... этим, как называется, самым таким... – Я не решалась произнести свое желание, которое было, наверное, очень наглым. Или нормальным? Чудеса так чудеса!

Можно было и не произносить, ведь джинн читал мысли.

– Чемпионкой мира, что ли? – усмехнулся он. – Да пожалуйста. Время действия ставлю два часа. Вернешься – разбуди, расскажешь, как было...

Сева зевнул и втянулся обратно в пакет.

По рукам и ногам побежали мурашки. Стало щекотно, будто я бутылка с лимонадом, которую встряхнули, и во мне туда-сюда летают пузырьки.

– Эй, а папе что сказать? – успела крикнуть я.

– Папе всегда правду надо говорить, – глухо проворчал Сева. – Скажи, что...

Я не дослушала и взорвалась миллионами пузырьков.

Первое, что я увидела, – синее небо и ослепительный снег на вершине. Альпы... Первое, что я услышала, – голос Областного, который орал, казалось, прямо в уши: «Первым номером пойдет нашалегкокрылая, легконогая стрекозка, наше чудо, внезапно свалившееся на нас, можно сказать, с неба...» В этот раз его нелепые комментарии попали в десятку – не поспоришь. Значит, к зверюшкам и птичкам добавились насекомые, так-так.

Шум, гам, музыка, в глазах рябит. Зрители имена чемпионов выкрикивают, тренеры ходят хмурые, спортсменки разминаются. Все такие яркие, такие гладкие, такие блестящие, как рыбки... Ой, вот же эта знаменитая немка, та самая! Мамочки, могу потрогать за рукав... Какая она смешная, оказывается, маленькая такая! А вот чешка с медными волосами! Улыбается, как в рекламе. Ну правильно, в любой момент папарацци снять могут. Тут надо быть всегда готовой, в носу не поковыряешь... А какие перчаточки, какие штанишки... А я-то в чем? Не в домашнем платье, надеюсь? Нет, я тоже в костюмчике! Ух ты, какой красивенький, какой скользкий! Сиреневый. И номер на груди – 1. Ну, Сева, молодец, ничего не скажешь! Ай да джинн! Так, срочно делать селфи!

– Вика, ты готова? – рявкнули сзади.

Я обернулась. Ко мне шел толстый мужчина в красно-синей куртке. Наверное, мой личный тренер.

– Чего ты здесь торчишь? Ты очипилась? Бегом на старт, чтоб тебя!.. Ты вообще размялась или дурака валяешь? Проверь патроны! Да шевелись, чучело! С тебя медаль сегодня, слышишь? Я Круглову снял, тебя поставил! Давай, девочка, давай, работай, работай! Поправку на ветер поняла какую делать? Три минуты до старта! Ноги в лыжи!

А где лыжи-то?! Ах, да вот же, в руке у меня! Я нагнулась, чтобы положить их на снег, и обнаружила на плечах лямки. Винтовка. Ничего, легкая, раз я ее не сразу заметила. Ну, значит, и патроны где-то здесь, потом найду. Я же чемпионка, правильно? Я знаю, где патроны лежат.

С креплениями вышла заминка. У меня дома крепления с такой кнопочкой, а тут кнопочки нет... Как ботинок вставить, непонятно.

– Давай, Виктория, что ты возишься? – подскочил толстый тренер, поднял какие-то штучки на креплениях, помог встегнуться. – Что,

переволновалась? Соберись, соберись! На тебя вся надежда! Круглову я снял, ты же знаешь!

Эх, джинн Сева, специалист, не мог мне крепления сделать знакомыми? Вот балда. Ладно, спишем на волнение. Я же чемпионка. Сейчас как побегу... Ноги-руки у меня чемпионские должны быть!

Из-за всей этой суеты даже не посмотреть вокруг! Альпы же!

– Первый номер на старт, второй – приготовиться. Раз, два, три... Старт!

– Давай, давай, давай! – разом оглушили меня несколько голосов.

И я пошла. Меня папа немножко научил коньковому ходу и говорил, что у меня уже неплохо получается. На одной ноге скользишь, вторую поднимаешь. Скользишь – поднимаешь... Скользишь... Ой, запнулась, чуть не упала. Палка воткнулась между лыж, нечаянно. Винтовка по спине елозит, зараза. Не такая уж и легкая... Уф, что-то я запыхалась.

Через две минуты, когда меня, чемпионку, обогнала четвертая участница и улетела вперед, я поняла, что влипла. Ноги-руки были мои родные, только костюмчик чемпионский. И эти мои руки-ноги уже здорово устали, а проехали не больше двухсот метров. Стадион сначала затих, потом я услышала смешки, кто-то крикнул: «Она под кайфом!» А что говорил Областной, я старалась не слушать.

Едва кончился стартовый коридор, едва я ушла со стадиона и стала забираться на первую горку (получалось только елочкой, лыжи вверх не ехали), ко мне подскочил тренер. На мое счастье, он не мог говорить. Он просто пыхтел, как и я. Молча он дернул меня за руку и стащил с трассы на обочину.

– Другим... не мешай!.. – наконец смог он произнести. Потом сорвал со спины винтовку, отобрал палки и дрожащим пальцем показал на лыжи. Я мигом расстегнула крепления, дрыгнула ногами, и лыжи откатились в кювет.

– Вон... пошла... из команды вон... уйди... – задыхался бедный толстяк.

Мне его стало ужасно жалко. Бедненький, он же не виноват...

– А вы скажите, что я сильно заболела, – посоветовала я.

– Я скажу, что ты умерла! – со всей силы рявкнул тренер.

Я сиганула за дерево, потом за другое, за третье. Петляя между елками, как заяц, убралась подальше от тренера и от трассы.

Ну, джинн Сева, я тебе устрою через два часа!

– А ты чего хотела? – искренне удивился джинн, развалившись на диване.

Сидит как ни в чем не бывало, нога на ногу, клетчатой тапочкой качает!

Я даже потеряла дар речи, как мой тренер, от такой наглости!

– Я же тебе ясно сказала – быть чемпионкой! По биатлону!

– И чего – в мишень не попала, что ли? – ухмыльнулся Сева.

– Да я до мишени и не добралась, какая мишень вообще! – Я была в бешенстве.

Два часа пряталась на склоне в елках, замерзла, как сосулька, а он издевается! У меня одно желание уже израсходовано, и никакого толку! Прямо как та дура Женя из «Семицветика»...

– Я же бегать на лыжах не умею, как они!

– Да ну? – удивленно захлопал глазами Сева. – А чего ж ты туда поперлась?

– Так я просила меня чемпионкой сделать!

Стукнуть его, что ли?

– А я что, не сделал? – возмутился Сева. – Первый номер, личный тренер. Костюмчик! Альпы! А бегать – это ты давай сама, я же не могу тебе чужие руки-ноги пришить.

Стукнула все-таки! По плечу. Как будто шлепнула по луже. А рука стала мокрая и липкая, вся в апельсиновом соке. Сева захихикал.

– Какой ты все-таки вредный, – захныкала я, облизывая руку. – Ты нарочно меня подставил. Друзья так не поступают!

Джинн встал с дивана (никаких пятен от сока на диване не осталось, между прочим), прошелся по комнате, потянулся:

– А кто сказал, что мы друзья? Я тебе не друг. Я просто джинн. Не воображай, пожалуйста. Лучше думай, что ты еще пожелаешь. И не тяни. Я решил срок установить. Либо я за два дня еще три твоих желания исполню, либо они сгорят, как неиспользованный лимит в конце месяца. Время пошло.

Я решила посоветоваться с Ирккой. Она всегда была очень практичной. И сообразительной. Она точно знала, чего хочет. Даже в столовке никогда не раздумывала, а моментально ставила на поднос блюдца и тарелочки с самым лучшим соотношением цена/качество. А я постоянно зависала над каждым салатиком. Поставлю на поднос – через минуту поменяю на другой... Нет, с такими метаниями и сомнениями желания джинну загадывать нельзя.

Я Ирке все рассказала по-честному. Как раз мы сидели в столовке на большой перемене. Ирка хрустела капустой (для фигуры полезно) и внимательно слушала.

Потом спросила:

– Что, и прямо в Альпы?

– Клянусь! – горячо зашептала я. – Два часа там провела! На снегу, под елками, а вокруг горы...

– Интересно... значит, тебя в прямом эфире показывали? Ну, на старте? Виктория Королёва – объявляли?

– Ну да, конечно... – Я растерялась.

Действительно, меня же все должны были видеть по телевизору! Меня папа должен был видеть! А он мне ни слова не сказал...

– Ну и супер, – спокойно сказала Ирка. – Мы в архиве эту запись найдем и всё увидим. Лучшее доказательство твоей правоты, ок?

Я же говорю, Ирка – голова, с ней не пропадешь. Я так боялась, что она не поверит, а она даже не напрягается, вру я или не вру. Доказательство же есть.

Ирка тут же достала смартфон и стала гуглить вчерашний женский спринт. Сама она не болельщица, прямой эфир вчера не смотрела.

Минуты две она елозила пальцами по экрану, жала на ссылки, хмурилась и хмыкала. Потом отложила смартфон и вернулась к салату из капусты.

– Странно, – спокойно сказала она, размеренно хрустя салатом. – Ни одну запись не посмотреть. Все видео убраны модераторами.

Я похолодела и одновременно покраснела:

– Ирочка, клянусь, это не я...

– Конечно, не ты, – снисходительно улыбнулась Ирка. – Ты же не хакер. Вероятно, твой Сева постарался. После школы идем к тебе. Знакомиться.

После школы пришли ко мне.

Коробка с апельсиновым соком, прикрытая занавеской, стояла у батареи.

– Испортится, – сразу сказала практичная Ирка.

– Да вот оно и видно. Характер у него ужасный, – согласилась я. – Но он сам попросил к батарее поставить, сказал, любит в тепле спать.

Я не понимала, верит мне Ирка или нет, но на всякий случай говорила с ней так, будто она верит.

Ирка уселась на мой любимый синий стул и покрутилась вправо-влево.

Я поставила коробку J7 на стол и слегка постучала по нарисованному апельсину.

– Сева, выходи! – позвала я неуверенно. – Я тебя вызываю...

Ирка крутилась на стуле, ничего особенного не ожидая. Я почувствовала себя идиоткой.

– Се-ва! – позвала я погромче. – Выходи, пожалуйста.

И сильнее постучала по коробке. Потом потерла ее пальцем. Никакого эффекта.

Ирка смотрела на меня с интересом.

– Ну я же говорю, характер ужасный... – пробормотала я и опять покраснела.

Сейчас Ирка решит, что я врушка и бездарная фантазерка, выдумываю глупые истории... Ужасно обидно. Ну, погоди, Сева... – Я побежала на кухню, схватила с сушилки большую кружку и вернулась в комнату. – Если ты сейчас не выйдешь, – заорала я на пакет к Иркиному удовольствию, – я тебя налью в кружку и выпью, понял?

Секунду я выждала, затем брякнула кружкой об стол, схватила Севу в пакете и стала отвинчивать крышку.

Едва я сделала первый оборот, как пакет шевельнулся. Крышка отскочила, из белого отверстия показалась пятерня.

– Привет! – булькнули из пакета.

Ирка взвизгнула и перелетела со стула на диван. Ну наконец-то!

– Выходи давай, – уже мягче попросила я. – И тапочки не забудь. Я тебя знакомить буду.

Из маленького отверстия, как мыльный пузырь, выросла голова Севы. Я-то уже привыкла, но вообще зрелище не для слабонервных. Ирка опять завопила.

– Здравсьте... – улыбнулась голова, прищурившись.

– Это Ира, моя подруга, – показала я на диван.

– Желания на подруг не распространяются, – быстро заявил вредный джинн. – Все равно всё ты будешь загадывать.

– Да и пожалуйста, подавись своими желаниями, – ответила я. – Я вас просто познакомить хочу. Да вылезе ты наконец! Видишь, человеку на тебя в таком виде смотреть неприятно!

Джинн стал появляться из пакета, не особенно торопясь. Эффектничал, гад. Вылез, потом ухмыльнулся: «Ой, тапочку забыл!» – сунул внутрь руку и с громким чпоканьем вытащил клетчатую тапку. А вчера, между прочим, без всяких чпоканий выходил и ничего не забывал.

– Знакомься, Ира, это Сева...

– Джинн Сева, – добавил джинн с интонацией Джеймса Бонда и подвигал бровями.

– Он мысли умеет читать, – предупредила я. – Так что думай про него всякую всячину, не стесняйся. Вот как я.

Сева обернулся ко мне и покачал головой:

– Что я тебе сделал-то? Зачем обзывать?

Ирка все-таки молодец, быстро успокоилась. Встала с дивана, руку Севе протянула:

– Ирина Боброва.

Джинн с удовольствием вцепился в Иркину ладонь и долго тряс.

– Весьма приятно... Очень рад... Не ожидал... Такая честь... Счастлив знакомством... – забормотал он всякую чушь.

Ирка выдернула мокрую липкую руку и беспомощно посмотрела на меня. Я достала из ящика стола пачку влажных салфеток.

– Держи. У меня теперь всегда салфетки под рукой.

Джинн прошелся по комнате, хлюпая на каждом шагу, но не оставляя никаких пятен.

– Ну-с, девоньки! – радостно потер он свои апельсиновые руки. – Устраивайте мозговой штурм и загадывайте поскорее три желания. Завтра в полночь срок годности сока истекает, я в другую коробку переметнусь.

И противно захихикал, паразит.

Мы с Ирккой перешли на кухню и поставили чайник. А Севе велели сидеть в комнате, чтобы не вмешивался со своими ехидными замечаниями. И чтобы мысли не читал.

– Ну, что посоветуешь, Ирочка? Я уже боюсь и загадывать, после вчерашнего... – сказала я, доставая чашки с охотниками и рыбаками, мои любимые. Я из такой чашки всегда пью мятный чай, когда мне надо подумать.

Ира спокойно (и когда успела успокоиться!) намазала булку абрикосовым вареньем и ответила:

– А чего тут думать? Дворец надо желать.

– Дворец?! – поразила я.

– Конечно. В наше время недвижимость получить можно только через ипотеку или по волшебству. Ну хорошо, не дворец, но дом загородный со всеми удобствами, охраной, поваром, горничной, личным шофером...

– Погоди, погоди! – остановила я Ирку. – Ты уверена, что это будет считаться за одно желание?

– А почему бы нет? – пожала плечами Ирка.

– Не будет! – злорадно крикнули из комнаты. – Раскатали губу... Дом – отдельно, шофер – отдельно!

– Эй, не подслушивать там! – сурово оборвала джинна Ирка. – Мы еще только план составляем. Мы еще ничего не решили.

– И потом, – зашептала я, хотя шептать с этим Севой было бесполезно – все равно все услышит, – в каком месте дом? Какой? Сколько комнат? А системы всякие коммуникационные? А водопровод, канализация? С ним, с паразитом, надо все мелочи предусмотреть. Поставит дом где-нибудь в Калужской области или вообще на Камчатке, без туалета и без ванны, скажет: «Крыша есть, труба есть, окна есть – значит, дом! Живите!»

В комнате забулькали от смеха.

– Знаешь, он какой формалист! – Я перестала шептать и заговорила в полный голос. – Совершенно безответственный джинн!

– Это кто еще безответственный?.. – начал было возмущаться за стенкой Сева.

– А ну цыц! – не поворачивая головы (много чести!), железным голосом заткнула его Ирка.

Молодчина она, ничего не скажешь, смелая! Первый раз джинна видит и так свободно на негоцыкает!

Сева заткнулся.

Мы попробовали прикинуть на бумаге план дома, чтобы ничего не забыть (теплые полы, фильтр для воды, сушильный шкаф, будку для будущей собаки...), но быстро устали и бросили это дело, все равно без специалиста не обойтись... И родителям может не понравиться идея с переездом. Квартира у нас хорошая, удобная, большая, недавно отремонтированная... А вдруг она пропадет, пойдет в счет этой загородной виллы? Тьфу, ну его, этот дом, страшно связываться.

– Так-так, – задумалась Ирка и уставилась на кружку с рыболовом, который греб себе и горя не знал. – А давай тогда что-нибудь общественно полезное загадаем? Например, чтобы солью снег больше не посыпали?

– Так зима скоро кончится, уже середина марта... А до следующего снега ждать скучно. И потом, как проверить?

– Тоже мне, ОТК! – фыркнули из комнаты. Но мы уже не цыкали. Нам было не до него. Мы поняли, что работы будет много. Полчаса сидим и даже одного желания не придумали! А надо придумать целых три.

– О, я знаю! – вскочила я с табуретки. – Давай про всех людей загадаем, чтобы у них зубы никогда не болели!

Джинн притих и не выпендривался, это был хороший признак. А что, по-моему, гениальное желание!

Только Ирка почему-то тоже притихла, а не прыгала от восторга.

– Что, чем плохо? – не поняла я.

Тут не могло быть никаких подвохов, очень нужное и общественно полезное желание!

– Да ничем... – проговорила Ирка, разглядывая рыбака на своей пустой кружке. – Только у меня мама стоматолог, она без работы станет. Клевое желание.

Ах ты ж, ну что же делать?! Что же загадать-то? Чтобы настоящее волшебное?

Мы решили составить список из всего, что придет в голову, а потом подчеркивать всякую неволшебную ерунду и оставить три самых-самых желания.

Вот что у нас получилось:

хочу собаку

котенка

горноста

броненосца

хочу летать

пусть в меня влюбится Денис Чернышов (зачеркнуто) Дима Полянин (зачеркнуто) Андрей Брусникин (зачеркнуто) тот парень из десятого класса, который носит ярко-голубые рубашки... (все зачеркнуто) – да ну их всех, не надо!

хочу быть самой красивой в классе (зачеркнуто) в школе (зачеркнуто) в мире, но кроме Африки, Индии, Якутии, Монголии... (все зачеркнуто) густые волосы и красивые глаза, как у газели (все зачеркнуто) – не, не надо!

хочу знать десять европейских языков

хочу знать квантовую физику

хочу написать стихи, которые все будут знать (зачеркнуто) очень хорошие (зачеркнуто) которые все выучат наизусть, потому что они нравятся

хочу уметь собирать кубик Рубика

хочу плавать баттерфляем (быстро)

хочу сняться в фильме с Хабенским

хочу поехать в Шотландию со своей подругой (Ирой Бобровой)
 хочу поехать в Грецию
 во Францию
 в Канаду
 хочу получить Нобелевскую премию за что-нибудь
 хочу поймать крокодила
 чтобы уроки начинались на час позже и не было нулевых занятий
 хочу есть сколько влезет и не толстеть
 хочу уметь танцевать танго
 всегда выигрывать в шахматы у папы (зачеркнуто) у всех
 хочу...

Мы выдохлись. За стеной джинн Сева играл на гавайской гитаре аргентинское танго и громко топал ногой в такт.

– Идея! – воскликнула Ирка. – Пошли на улицу. В народ. Народная мудрость – это сила! Спросим у трех первых попавшихся прохожих, чего они хотят, и все дела!

Аргентинское танго оборвалось, Сева выразительно заиграл «Степь да степь кругом...».

Вернулись с улицы мы через десять минут. Первые трое прохожих на нас даже не посмотрели, четвертый сказал: «Не хулиганьте, девочки!», пятый вздохнул: «Чтобы с глупыми вопросами не приставали», а шестая тетенька приняла нас за представителей депутата и стала подробно перечислять, что надо в первую очередь сделать в нашем микрорайоне. Мы уже скрылись в подъезде, а она все кричала: «И урну на остановке поставить!»

Ирка посидела еще немного у меня и пошла домой. Уроков много задали, особенно по русскому. Сочинение по картине какого-то Бориса усатого...

Папа после ужина предложил сыграть в шахматы. Сыграли. Я, конечно, проиграла... Папа так самодовольно расставлял фигуры для новой партии, что я не выдержала! Отлучилась в комнату на минуточку, поговорила с джинном и вернулась обратно.

– Ну что, еще партейку? – весело спросил папа.

– Давай! – решительно сказала я. А сердце так и колотится! Что получится? Я все ясно Севе растолковала: у всех и всегда выигрывать!

Начали. Через два хода папа «зевнул» слона, еще через три проиграл ферзя, а через семь очень глупых ходов папа... сдался.

– Ну что, еще партейку? – весело спросила я.

– Ну давай... – тихо согласился папа.

Начали. Папа «зевал» направо и налево, проигрывал фигуры, и очень скоро я загнала его короля в угол. Мои слоны чуть его не растоптали.

– Может, тебе фору дать, пап? – произнесла я фразу, которую всегда мечтала сказать.

Папа удивленно смотрел на доску и бормотал:

– Странно... Почему я сделал такой дурацкий ход?

Мне стало грустно. Опять этот Сева все по-своему понял! Не меня умной сделал, а папу – дураком. Беда с этим джинном, просто руки опускаются!

Я вернулась в комнату:

– Сева! Я отменяю желание! Оформляй возврат! Возвращай папе его шахматные способности!

– Это мы запросто! – пулей выскочил из коробки джинн, будто ждал моих слов. – Без проблем. Только пойдет в счет третьего желания, лады?

Вот жулик! Ни за что желание отнял. Да и ладно, мне не жалко. Папа уж очень грустный...

Последнее желание осталось.

Я промучилась весь следующий день и решила остановиться на густых волосах или десяти европейских языках. Или нет... Хочу броненосца, точно. Хоть увижу, что это за зверь. А впрочем, лучше собаку. Да, пусть будет собака! Хотя сняться в фильме с Хабенским еще лучше... А может, и нет. Если у меня не окажется таланта, все будут меня ругать, как тот тренер. И Хабенский тоже скажет что-нибудь неприятное...

Поздно вечером, когда до полуночи оставалось десять минут, позвонила Ирка. Я забралась с трубкой под одеяло.

– Слушай, – зашептала она мне в ухо. – Ты еще не загадала ничего? У меня идея. Желание стопроцентное, не подкопаешься. Запоминай! Пускай никто ни с кем никогда не воюет и будет миру мир, а? Как тебе? Это полезнее, чем зубы!

Я же говорила, что Ирка не подкачает! Классное желание! Нет, честно, без дураков. Никаких бомб, никаких снарядов, никаких горячих точек во веки веков. Атомных взрывов больше не будет, черных развалин вместо домов. Будет сплошной мир, цветы и музыка, котята и броненосцы, шахматные турниры и чайные чашки с рыбаками. Всё будет хорошо и навсегда. Сева, ну-ка, ты все равно читаешь мои мысли, давай, приступай к исполнению! А то сейчас наверняка бомба какая-нибудь взорвется. Давай быстрее делай мир во всем мире!

У батареи раздалось хлюпанье, сопение, чпокнула тапочка – Сева выбрался наружу.

– Мне-то что, я могу, – развел он руками в темноте. – Только продержится это недолго... Бесплезная трата последнего желания. А бесплезная потому, – ответил на мои мысли Сева, – что через пять минут кто-нибудь загадает желание в войне победить, и всё. Твой мир будет аннулирован, как противоречащий войне. Нельзя одновременно не воевать и победить.

– Как же аннулирован?.. – Я глядела на джинна во все глаза. – Почему аннулирован? Почему чья-то война важнее моего мира?..

– Да не важнее, – устало объяснил джинн. – А просто наступает очередь следующего желания, которое отменяет твоё желание, если оно мешает, вот и всё. Вы логику в школе проходили? А информатику?

Я покачала головой и всхлипнула.

– Минута до полуночи, – сказал Сева. – Хочешь собаку? Или котенка?

Я опять покачала головой.

– Нет уж. Не надо собаку. Давай чтобы мир. Пусть он хоть пять минут продержится, неважно. Зато кого-то не убьют, может быть.

Сева вздохнул, сел на край дивана и погладил меня по голове. Рука у него была сухая и теплая.

– Спи, Виктория Викторовна, двойная победа. Я выполнил все твои желания, можешь отдохнуть. А я пошел...

Он не встал с дивана, не шевельнулся, он продолжал сидеть и только начал таять потихоньку, делаться тоньше, прозрачней.

У меня был джинн, у меня было целых четыре желания, а я так ничего и не придумала, и не сделала! Девочка Женька со своим семицветиком оказалась сообразительнее меня, она хоть Витю вылечила... Мне бы подготовиться, подумать...

– Сева, погоди, – попросила я. – Погоди, пожалуйста, минуточку. Две секундочки!

Он перестал таять и ждал, что я скажу. Сквозь него был виден мой любимый синий стул.

– Сева, какой сок ты больше всего любишь?

– Апельсиновый, – улыбнулся он.

– Я тоже... Мы увидимся еще?

Сева ничего не ответил. Только подмигнул мне почти прозрачным глазом и совсем растаял, вместе с тапочками.

На столе остался полный пакет апельсинового сока.

Меня редко посылают что-нибудь купить. Мама говорит, меня в магазин отправлять – себе дороже. А тут отправили за мукой и сметаной. Муку я быстро выбрала, а над сметаной, конечно, зависла. Сколько процентную брать? Пятьсот граммов или триста? Полосатый стакан или голубой?..

– Ай! – завопила женщина в углу, где напитки. – Ты видел, видел?

– Что видел? – ответил недовольный мужской голос. – Что ты орешь на весь магазин?

– Ай! Ну вот же! – еще громче завопила она. – Пакет, смотри, на нем апельсин подмигивает!

Я уронила сметану на пол и бросилась к сокам.

– Что ты выдумываешь... – буркнул мужчина.

Я уже стояла у полки с фирмой J7 и глядела во все глаза на пакеты. Ну... Ну давай же, Сева...

Круглый желтый апельсин на упаковке крутанулся и подмигнул мне желтым веселым глазом.

II. «Слушания музыки»

Тема: Пауза, виды пауз

Длительность паузы. «Говорящие» паузы в театре. Значение паузы в создании музыкального и сценического образа.

Задание: Прослушать следующие музыкальные произведения, в тетради написать, какое настроение передает каждая из мелодий.

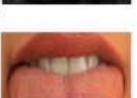
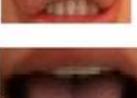
Материал: Чайковский П. «Новая кукла», «Нянина сказка», «Неаполитанский танец» («Детский альбом»), Рыбников А. «Бу-ра-ти-но» к/ф «Приключения Буратино».

III. «Кукольный театр»

1) Учить слова кукольного спектакля «Гуси-Лебеди». Работать над ролью

IV. «Подготовка сценических номеров»

Для улучшения дикции и четкости произношения звуков выполнять комплекс упражнений для дикции (утром и вечером)

Расческа для губ	гладить зубами губы			Язык упирать в щеки(поочередно)	Прячем орешки	иголка	Сделать язык тонким, тянуть вперед	
Улыбка лягушка	широко улыбнуться			Широкий язык положить на нижнюю губу.	Блинчик (лопатка)	Трубочка языком	Боковые края широкого языка свернуть в трубочку	
Трубочка губами(слон)	вытянуть губы вперед			Чистить языком верхние, нижние зубы	Чистим зубки	Катушка Кошка	Кончик языка спрятать за нижние зубы, спинку выкатить вперед	
Заборчик	оскалить зубы			Язык вправо-влево	Любопытный язычок, часы	горка	Кончик языка упереть в нижние зубы, спинку и корень поднять, не выкатывая	
Бегемот	Широко открыть рот			Языком гладить верхнее небо-потолочек	маляр	Вкусное варенье	Широким языком облизнуть губы	
Расческа для языка	Закусить широким языком зубами(несильно), вытянуть в рот			Поднять язык за верхние зубы, удерживать	столбик	чашка	Сделать языком чашку, поднять боковые края	

Учить слова стихотворений для экзаменационного показа!

(Для 2 класса)
Сергей Михалков
Детский ботинок

Даша: Занесенный в графу
С аккуратностью чисто немецкой,
Он на складе лежал
Среди обуви взрослой и детской.

Миша: Его номер по книге:
Хором: «Три тысячи двести девятый».
Мальчики: «Обувь детская. Ношена.
Девочки: Правый ботинок. С заплатой...»

Вероника: Кто чинил его? Где?
Аня: В Мелитополе?
Даша: В Кракове?
Арина: В Вене?
Денис: Кто носил его? Владек?
Настя: Или русская девочка Женя?..

Арина: Как попал он сюда, в этот склад,
В этот список проклятый,
Под порядковый номер
Хором: «Три тысячи двести девятый»?

Вероника: Неужели другой не нашлось
В целом мире дороги,
Кроме той, по которой
Пришли эти детские ноги

Ксюша: В это страшное место,
Где вешали, жгли и пытали,
Маша: А потом хладнокровно
Одежду убитых считали?

Глеб: Здесь на всех языках
О спасенье пытались молиться:
Чехи, греки, евреи,
Французы, австрийцы, бельгийцы.

Матвей, Денис, Миша: Здесь впитала земля
Запах тлена и пролитой крови
Аня, Настя: Сотен тысяч людей
Разных наций и разных сословий...

Хором: Час расплаты пришел!
Палачей и убийц – на колени!
Мальчики: Суд народов идет
По кровавым следам преступлений.

Девочки: Среди сотен улик –
Этот детский ботинок с заплатой.
Ксюша: Снятый Гитлером с жертвы
Хором: Три тысячи двести девятой.

Тихвин, 14 октября 1941 года /Анатолий Молчанов/

Хором: Они были уже далеко от блокады -
Вывозимые в тыл ленинградские дети.
Мальчики: Где-то там, позади, артобстрелов раскаты,
Девочки: Вой сирен, стук зениток в прожекторном свете,

Арина: Надоевшие бомбоубежищ подвалы,
Затемненных домов неживые громады,
Ксюша: Шёпот мам на тревожном перроне вокзала:
Хором: "Будет всё хорошо, и бояться не надо!.."

Вероника, Настя, Аня: А потом путь по Ладоге, штормом объятый,
Мальчики: Волны, словно таран, били в баржи с разгона.
Даша: Наконец, твёрдый берег - уже за блокадой!
Хором: И опять пересадка, и снова в вагоны.

Миша: Они были уже далеко от блокады,
 Маша: Всё спокойней дышалось спасаемым детям,
 И стучали колёса:
 Хором: "Бояться не надо!
 Бояться не надо! Мы едем! Мы едем!"

Девочки: "Что случилось?"
 Мальчики: "Налёт. Выходите быстрее!.." -
 Маша, Аня: "Как налёт? Но ведь мы же далёко от фронта..." -
 Ксюша, Даша: "Выводите детей из вагонов скорее!.." -
 Мальчики: А фашист уже груз сыпанул с разворота.

Вероника: И опять свист и вой души детские рвали,
 Словно дома, в кошмарной тревог круговерти.
 Настя, Маша, Аня: Но сейчас дети были не в прочном подвале,
 А совсем беззащитны, открыты для смерти.

Миша, Матвей: А над станцией снова свистит, воеет, давит,
 Глеб, Денис: Бомбы к детям всё ближе, не зная пощады.
 Настя, Даша, Маша: Они рвутся уже прямо в детском составе.
 Хором: "Мама!.. Ты говорила: бояться не надо!.."

Арина: Там в другой стороне в скромной братской могиле
 Хором: Спят погибшие здесь ленинградские дети.
 Ксюша: И цветы говорят, что о них не забыли,
 Хором: Что мы плачем о них даже в новом столетье.

Даша: Помолчим возле них, стиснув зубы упрямо,
 Арина: Перечтём вновь и вновь скорбный текст обелиска,
 Маша: И почудятся вдруг голоса:
 Хором: "Мама! Мама!
 Приезжай, заberi нас отсюда! Мы близко!.."

Для всех: Нам нужен мир! Тебе и мне,
 И всем на свете детям!
 И должен мирным быть рассвет,
 Который завтра встретим.

Нам нужен мир, трава в росе,
 Улыбчивое детство!
 Нам нужен мир!
 Прекрасный мир, полученный в наследство.

Нам нужен разноцветный луг
 И радуга над лугом!
 Нам нужно бегать, прыгать, петь
 И говорить друг с другом.

Стихотворения для разучивания на школьный конкурс чтецов.**Война**

В классе очень холодно,

На перо дышу,

Опускаю голову

И пишу, пишу.

Первое склонение —

Женский род на «а»,

Сразу, без сомнения,

Вывожу — «война».

Что всего существенней

Нынче для страны?

В падеже родительном:

Нет — чего? — «войны».

А за словом воющим —

Мама умерла...

И далекий бой еще,

Чтобы я жила.

Шлю «войне» проклятия,

Помню лишь «войну»...

Может, для примера мне

Выбрать «тишину»?

Но «войною» меряем

Нынче жизнь и смерть,

Получу «отлично» я —

Это тоже месть...

О «войне» тот горестный,

Гордый тот урок,

И его запомнила

Я на вечный срок.

(Людмила Миланич)

Ольга Берггольц

Разговор с соседкой

Дарья Власьевна, соседка по квартире,
сядем, побеседуем вдвоем.

Знаешь, будем говорить о мире,
о желанном мире, о своем.

Вот мы прожили почти полгода,
полтора ста суток длится бой.

Тяжелы страдания народа —
наши, Дарья Власьевна, с тобой.

О ночное воющее небо,
дрожь земли, обвал невдалеке,
бедный ленинградский ломтик хлеба—
он почти не весит на руке...

Для того чтоб жить в кольце блокады,
ежедневно смертный слушать свист,—
сколько силы нам, соседка, надо,
сколько ненависти и любви...

Столько, что минутами в смятенье
ты сама себя не узнаешь:
— Вынесу ли? Хватит ли терпенья?
— Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь.

Дарья Власьевна, — еще немного,
день придет — над нашей головой
пролетит последняя тревога
и последний прозвучит отбой.

И какой далекой, давней-давней
нам с тобой покажется война
в миг, когда толкнем рукою ставни;
сдернем шторы черные с окна.

Пусть жилище светится и дышит,
полнится покоем и весной...
Плачьте тише, смейтесь тише, тише,
будем наслаждаться тишиной.

Будем свежий хлеб ломать руками,
темно-золотистый и ржаной.
Медленными, крупными глотками
будем пить румяное вино.

А тебе — да ведь тебе ж поставят
памятник на площади большой!
Нержавеющей, бессмертной сталью
облик твой запечатлят простой.

Вот такой же: исхудавшей, смелой,
в наскоро повязанном ПЛАТКЕ,
вот такой, когда под артобстрелом
ты идешь с кошелкою в руке.

Дарья Власьевна, твоею силой
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть—Россия.
Стой же и мужайся, как она!

«Блокадная ласточка» О.Берггольц

Весной сорок второго года
множество ленинградцев
носило на груди жетон —
ласточку с письмом в
клюве.

Сквозь года, и радость, и невзгоды
вечно будет мне сиять одна —
та весна сорок второго года,
в осажденном городе весна.

Маленькую ласточку из жести
я носила на груди сама.
Это было знаком доброй вести,
это означало: «Жду письма».

Этот знак придумала блокада.
Знали мы, что только самолет,
только птица к нам, до Ленинграда,
с милой-милой родины дойдет.

...Сколько писем с той поры мне было.
Отчего же кажется самой,
что доньше я не получила
самое желанное письмо?!

Чтобы к жизни, вставшей за словами,
к правде, влитой в каждую строку,
совестью припасть бы, как устами
в раскаленный полдень — к роднику.

Кто не написал его? Не выслал?
Счастье ли? Победа ли? Беда?
Или друг, который не отыскан
и не узнан мною навсегда?

Или где-нибудь доньше бродит
то письмо, желанное, как свет?
Ищет адрес мой и не находит
и, томясь, тоскует: где ж ответ?

Или близок день, и непременно
в час большой душевной тишины
я приму неслыханной, нетленной
весть, идущую еще с войны...

О, найди меня, гори со мною,
ты, давно обещанная мне
всем, что было,- даже той смешною
ласточкой, в осаде, на войне...

Стихотворение Мусы Джалиля "Чулочки"

Их расстреляли на рассвете
Когда еще белела мгла,
Там были женщины и дети

И эта девочка была.
 Сперва велели им раздеться,
 Затем к обрыву стать спиной,
 И вдруг раздался голос детский
 Наивный, чистый и живой:
 -Чулочки тоже снять мне, дядя?
 Не упрекая, не браня,
 Смотрели прямо в душу глядя
 Трехлетней девочки глаза.
 "Чулочки тоже..?"
 И смятением эсесовец объят.
 Рука сама собой в волнении
 Вдруг опускает автомат.
 И снова скован взглядом детским,
 И кажется, что в землю врос.
 "Глаза, как у моей Утины" -
 В смятении смутном произнес,
 Овеянный невольной дрожью.
 Нет! Он убить ее не сможет,
 Но дал он очередь спеша...
 Упала девочка в чулочках.
 Снять не успела, не смогла.
 Солдат, солдат, а если б дочка
 Твоя вот здесь бы так легла,
 И это маленькое сердце
 Пробито пулею твоей.
 Ты человек не просто немец,
 Ты страшный зверь среди людей.
 Шагал эсесовец упрямо,
 Шагал, не подымая глаз.
 Впервые может эта дума
 В сознании отравленном зажглась,
 И снова взгляд светился детский,
 И снова слышится опять,
 И не забудется навеки
 "ЧУЛОЧКИ, ДЯДЯ, ТОЖЕ СНЯТЬ?"

Георгий Ладонщикова — Вместе с дедушкой
 Растаял утренний туман,
 Красуется весна...
 Сегодня дедушка Иван
 Начистил ордена.
 Мы вместе в парк идем
 Встречать

Солдат, седых, как он.
 Они там будут вспоминать
 Свой храбрый батальон.
 Там по душам поговорят
 О всех делах страны,
 О ранах, что еще болят
 С далеких дней войны.
 Походы вспомнят и бои,
 Окопный неуют,
 И песни бравые свои,
 Наверное, споют.
 Споют о мужестве друзей,
 Что в землю полегли;
 Споют о Родине своей,
 Что от врагов спасли.
 Спасли народы разных стран
 От рабства и огня...
 Я рад, что дедушка Иван
 Берет с собой меня.

Девочка, прошедшая войну

Татьяна Лаврова - Волгоград

Девушку, совсем ещё девчонку,
 С мягкой улыбкой после сна,
 В скромном платье, с бантами и чёлкой
 Увела безжалостно война.

Ужас, кровь и грохот канонады,
 Госпиталь, походный медсанбат...
 Твёрдо знала девочка, что надо
 Боль перетерпев, спасти солдат.

Маленькими ловкими руками
 Бинтовала раненых, слепых.
 Сколько писем написала мамам
 За безруких пареньков седых.

На шинели ордена, медали,
 Выправка военная и статья.
 Только деток руки не держали,
 Не успела деток нарожать.

Всех, кто дорог был, любим и близок,
 Забрала разлучница-война.
 Пожелтевший обгоревший снимок:
 Два солдата в форме и она.

Предлагали сердце, душу, руку.
 Жизнь, как в сказке, счастье чередой.
 Да лежит один в Великих Луках,
 А под Сталинградом спит другой.

И стоит в печали одинокой
 Слушая ночную тишину,
 Ставшая седою раньше срока
 Девочка, прошедшая войну.

Разговор матери и дочери в годы войны

Ольга Худошина

- Мама, а правда, солдаты не плачут?
 - Да, правда, доченька, им не до слез!
 Слезы для нас, матерей много значат,
 А для бойцов это все не всерьез.

- Я слышала, мама, ты плакала ночью,
 И я тихо плакала вместе с тобой.
 Ну как не серьезно? Ну как превозмочь их?
 Те слезы, от горя что льются рекой...

- От горьких страданий их фронт отделяет,
 И пули раскрыться душе не дают,
 Но, как и мы, они тоже страдают,
 Не ведая, сколько еще проживут.

- Как же сильны они духом, мама,
 Если сквозь страх на смерть идут!
 Как же назвать все их имена нам?
 - Солдаты Отчизны их люди зовут.

Конечно, я знаю, солдаты не плачут,
 Но слезы так часто бегут по щекам.
 Не плачьте, родные, все стало иначе:
 Мы в мире живем! Спасибо всем вам!

22 июня 1941, Степан Щипачев

Казалось, было холодно цветам,
и от росы они слегка поблёлки.
Зарю, что шла по травам и кустам,
обшарили немецкие бинокли.

Цветок, в росинках весь, к цветку приник,
и пограничник протянул к ним руки.
А немцы, кончив кофе пить, в тот миг
влезали в танки, закрывали люки.

Такою все дышало тишиной,
что вся земля еще спала, казалось.
Кто знал, что между миром и войной
всего каких-то пять минут осталось!

Я о другом не пел бы ни о чем,
а славил бы всю жизнь свою дорогу,
когда б армейским скромным трубачом
я эти пять минут трубил тревогу.

Десятилетний человек, С. Михалков

Крест-накрест белые полосы
На окнах съёжившихся хат.
Родные тонкие березки
Тревожно смотрят на закат.

И пес на теплом пепелище,
До глаз испачканный в золе.
Он целый день кого-то ищет
И не находит на селе.

Накинув драный зипунишко,
По огородам, без дорог,
Спешит, торопится парнишка
По солнцу, прямо на восток.

Никто в далекую дорогу
Его теплее не одел,
Никто не обнял у порога
И вслед ему не поглядел,

В нетопленной, разбитой бане,

Ночь скоротавши, как зверек,
Как долго он своим дыханьем
Озябших рук согреть не мог!

Но по щеке его ни разу
Не проложила путь слеза,
Должно быть, слишком много сразу
Увидели его глаза.

Все видевший, на все готовый,
По грудь проваливаясь в снег,
Бежал к своим русоголовый
Десятилетний человек.

Он знал, что где-то недалече,
Быть может, вон за той горой,
Его, как друга, в темный вечер
Окликнет русский часовой.

И он, прижавшийся к шинели,
Родные слыша голоса,
Расскажет все, на что глядели
Его недетские глаза.

Пусть будет мир, Ольга Маслова
Как надоели войны на свете,
Гибнут солдаты и малые дети,
Стонет земля, когда рвутся снаряды,
Матери плачут и плачут комбаты.

Хочется крикнуть: » — Люди, постойте,
Войну прекратите, живите достойно,
Гибнет природа и гибнет планета,
Ну неужели вам нравится это ??? »

Война — это боль, это смерть, это слёзы,
На братских могилах тюльпаны и розы.
Над миром какое-то время лихое,
Где правит война, никому нет покоя.

Я вас призываю, нам всем это нужно,
Пускай на земле будет мир, будет дружба,
Пусть солнце лучистое всем нам сияет,
А войн — НИКОГДА и НИГДЕ не бывает !!!

Шинель, Елена Благинина

— Почему ты шинель
бережёшь? —
я у папы спросила.
— Почему не порвёшь,
не сожжёшь? —
я у папы спросила. —
Ведь она и грязна и стара,
приглядись-ка получше,
на спине вон какая дыра,
приглядись-ка получше!

— Потому я её берегу, —
отвечает мне папа, —
потому не порву, не сожгу, —
отвечает мне папа, —
потому мне она дорога,
что вот в этой шинели
мы ходили, дружок, на врага
и его одолели.

Еще тогда нас не было на свете, Михаил Владимов

Еще тогда нас не было на свете,
Когда гремел салют из края в край.
Солдаты, подарили вы планете
Великий Май, победный Май!
Еще тогда нас не было на свете,
Когда в военной буре огневой,
Судьбу решая будущих столетий,
Вы бой вели, священный бой!

Еще тогда нас не было на свете,
Когда с Победой вы домой пришли.
Солдаты Мая, слава вам навеки
От всей земли, от всей земли!

Благодарим, солдаты, вас
За жизнь, за детство и весну,
За тишину,
За мирный дом,
За мир, в котором мы живем!

На поляне, от лагеря близко, Василий Фетисов

На поляне, от лагеря близко,
Где багульник все лето цветет,
На дорогу глядят с обелиска
Пехотинец, матрос и пилот.

Отпечаток счастливого детства
Сохранился на лицах солдат,
Но уже никуда им не деться
От военной суровости дат.

«Вот в таком же зеленом июне, —
Нам сказал пожилой старшина, —
Забрала их, веселых и юных,
И домой не вернула война.

На рассвете, прижав автоматы,
Шли солдаты на штурм высоты...»

Нестареющим нашим вожатым
Мы к ногам положили цветы.